

2
русс

«Революционные машины» и литература Андрея Платонова

Валерий Подорога

Институт философии РАН

«Революционные машины» и литература Андрея Платонова

Аннотация

В статье рассматривается одна из магистральных тем в творчестве Андрея Платонова — тема машин. Речь идет не просто о машинах, но о машинах революционных, замысел которых связан с радикальной трансформацией жизни, природы и мира. Но каков характер этой трансформации? Какое представление о революции стоит за авангардными размышлениями Платонова, которые, вопреки имеющимся интерпретациям, нельзя однозначно отнести ни к утопии, ни к антиутопии? И утопия, и антиутопия, как правило, относятся к будущему, однако время, когда на сцену выходят платоновские машины, не совпадает ни с будущим, ни с настоящим — это особое революционное время, время революции как завершенной планетарной катастрофы, опустошения природы и начала новой истории, воплощением субъекта которой является не живой человек, а новая, способная управлять природной энергией машина.

Ключевые слова

Андрей Платонов, история, машины, природа, революция, техника

Андрей Платонов — изобретатель машин

Есть машина. Что она такое? Это чудо, первое и последнее чудо работы человека. Машина трудом создана и труд производит. Она не только брат наш — она равна человеку, она его живой удивительный и точный образ. Часто машина даже выше человека, так как она не знает утомленности, перебоев работы (а скоро забудет и износ), этих чисто природных признаков, доказательств ее немощи и паде-ния пред человеком (Платонов 2004b: 40).

Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал (Платонов А. *Из писем к жене*).

Привычно относить романы Платонова 20–30-х годов к жанру *антиутопии*. Но так ли это? Мне кажется, утверждать подобное не совсем верно. По определению, антиутопия ничем не отличается от утопии, все-таки это искусственные, «переходные» миры, изобретаемые для тестирования будущего (причем как в отрицательных значениях (антиутопия), так и в положительных (утопия)). В том-то и состоит основная идея утопизма, что целью эксперимента должно быть только проектируемое будущее. У Платонова нет ничего подобного, нет никакого будущего вообще. Да, он выделяет особое время, в котором протекает действие его романов, но это не время будущего, как и не время настоящего. Об этом времени, которое можно назвать Великой Революционной Эрой, известно лишь одно — что в нем нет времени, оно неопределимо и в порядке экзистенциальной временности. Если мы и увидим за именами «Котлован» или «Чевенгур» особые места, *у-топосы*, то опять-таки ошибемся, ибо в литературе Платонова нет мест, которые определялись бы без отношения к завершённому времени. Завершённое в себе время, или *эсхатологическое*, — это время *после* времени, и поэтому все места, пригодные для жизни, разрушены; все застыло, упало в тишину и молчание мира, будущего больше нет, оно стало настоящим.

Одно дело — пространственные формы, в которых жизнь получила свою социальную и «человеческую» определенность, а другое — когда она выходит за их границы. Жизнь — это бесконечный резерв энергии, — вот к чему ведет мысль Платонова-метафизика и солнцепоклонника: «Жизнь — солнечного происхождения. Мы потомки Солнца — не в переносном смысле, а в прямом — физическом. Но жизнь не только перенесена солнечным светом, она сама — свет в физическом смысле». И чуть далее: «Само пространство, по новейшим учениям, электромагнитной природы, т. е. родственно свету

или просто свет, так как и свет есть только электромагнитное переменное поле. И этот свет-пространство есть купель жизни; из света делается жизнь на каждой планете, и светом она питается и возобновляется!» (Платонов 2004а: 188–189). Итак, жизнь понимается Платоновым в противопоставлении к Природе. Жизнь — нечто действительно неантропоморфное, в ней скрыто резервное пространство для всякой иной жизни. Жизнь неистребима, а раз так, то весь смысл социальной революции не в ее ближайших конечных целях, но в перестройке всей материи Космоса (Природы), а только затем и на ее основе — общества. Вот к каким конечным выводам приходит Платонов:

...нет таких условий во вселенной, к каким бы жизнь не могла приспособиться. Если эти условия губительны, катастрофичны, то жизнь упрощается до неимоверно малого, чем повышает свою устойчивость и выносливость, и тем спасается. Может быть, атомы и атомы атомов — электроны есть те же микроорганизмы, только предельного, начального типа, так как они выносят уже любые вселенские условия и при лучших условиях они как-то синтезируются, усложняются, вступают во взаимную связь и т. д., но при ухудшении этих условий они опять разрушают свои постройки и отступают до первичного тела — электрона, могущественнейшего из всех конструкций мира, потому что самого простого, так как в нем минимум конструкции, — и разрушительным стихиям остается очень маленькое, узкое поле для действия (Платонов 2004а: 187–188).

Маршрут не истории, но природы («Мы — природная сила», — говорит Копенкин). Это маршрут, указывающий на движение пространства, освобождающего ландшафт Земли от всего человеческого. Тогда конец истории — это движение природы, возвращающейся к себе, — природы, ставшей историей. Историческое растворяется в природных силах, опустошается, уходит в невидимую жизнь:

Итак, история, а не природа — как было, как есть теперь — должна стать страстью нашей мысли, ибо история есть взор в даль, несвершившаяся судьба, история есть время, а время — неосуществленное пространство, то есть будущее. Природа же есть прошлое, оформленное, застывшее в виде пространства время. И мы бы должны постигать, потому что история и есть наша судьба, а судьба — показатель нашей мощи, вестник цели и конца или начало иной бесконечности. История есть для нас уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа — законченное время; законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет загадки. Каменный сфинкс страшен отсутствием загадки. Но человечество

живет не в пространстве — природе и не в истории — времени-будущем, а в той точке меж ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце концов, и время и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревущую лаву — время и косит глазами назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем — и падает, обессиливается, — из свободы и всемогущества делается немощью и ограниченностью — пространством, природой, сознанием (курсив мой. — В. П.) (Платонов 2011e: 43–44).

История человечества есть убийство им природы, и чем меньше природы среди людей, тем человек человечнее, имя его осмысленнее (Платонов 2004a: 226).

Первая заповедь техники, исчерпывающая все остальные, говорит: уничтожь природу такую, какая есть, и из ее хаоса создай иную — свою человеческую, или природа тебя уничтожит (Платонов 2004b: 192).

В этом блоке авангардных размышлений Платоновым высказано главное: революция — не событие истории, а природная катастрофа. Поэтому все его центральные романы, так или иначе, описывают послереволюционное состояние общества, которое теперь есть пространство, оставшееся после распада связей прежнего социума, пережившего теллурическую катастрофу. Платонов *аусторичен* или, если это выразить чуть иначе, он описывает пространство, которое более не нуждается в человеческом времени, оно нарастает пустотой, пробуждая в человеке роковую способность к последнему метаболизму, точнее, *тягу к исчезновению*, к естественному и свободному переходу из мира видимого в мир невидимый. Таковой может оказаться возобновленная, пришедшая к себе природа. Два пути для человека: или вновь стать природным, неисторическим существом, просто быть в мире, быть как животное, растение, солнечный свет; или стать машиной-человеком, что, естественно, выведет за скобки все человеческое (страсти, боль, надежду, любовь). Так машине — этому новому субъекту большой истории — передаются функции воссоздания природы на новых основаниях. Отсюда постоянство в циркуляции переходов от природы (врага) к истории, а затем от истории к новой возобновленной, «воссозданной» природе (другу), но теперь «сделанной», машинной.¹

¹ Поражает исчезающая граница между так называемой современной наукой и ее «пониманием» в литературе Платонова. Сегодня идеи Федорова, Флоренского, Вернадского оказались комментарием к идеям Платонова в области

Но вот что следовало бы отделять друг от друга: руины, видимые разрушения и распыленные остатки, пыль вещей, т. е. невидимую материю. В. Беньямин — знаток барочной поэтики — выводит формулу руин: когда временной поток священной истории обрушивается в природное пространство, то он образует собой причудливый порядок руин (в местах *обрушения*) (Беньямин 2002: 185–190). Ничего похожего мы не найдем в мире пустеющих пространств Платонова. Там падение *временного* в *пространственное*, *Истории* в *Природу* нескончаемо. Одни обломки распадаются на меньшие, те — на другие, и распадаются до тех пор, пока не перейдут в пыль степей и пустынь. Не руины, а именно *пыль* знаменует для Платонова конец времени Истории. Но в обратном движении мирового времени именно прах, мельчайшие остатки вещества жизни, может быть, самые мельчайшие, невидимые, но живые, смогут образовать континуум будущего существования вне смерти и времени. У Платонова опустошение — универсальный экзистенциал, из которого мы извлекаем все другие следствия и навыки существования. Начать с чистого листа: посткатастрофическое время — время новых людей. Всего лишь несколько фигур, почти неподвижных, с очень ограниченным набором двигательных рефлексов, и они даже не в пространстве, они — скорее некие текущие конфигурации, графические наброски, контуры, тени на стене. Вот каковы они на фоне устойчивого авторского самосознания, той отрицательной тональности, которая все и определяет — тональности *опустошения*. Пространство, в котором становится все меньше человеческого участия, способно только опустошаться. Мир платоновской а-топии безлюден, не заселен, в нем нет привычных и устойчивых вещей, господствуют пустота и запустение, опустошенность всего и вся. Но почему или ради чего? Ответ, похоже, федоровский: ради *другого* мира, мира, который может быть создан исключительно научной мыслью, т. е. изобретением великой Машины жизни, которая в силах противостоять Природе, несущей смерть.² Платонов

электротехники, теории машин и общей теории Природы. За всем этим — нескрываемое восхищение Платонова 20-х годов последними тогдашними достижениями человеческого разума. Открытия в науке кажутся столь великими, что многие философы (да и сами ученые) бросаются выстраивать новую картину мира, якобы им соответствующую. Именно на этом пересечении желаемого (воображаемого) и мыслимого возникает единство тогдашнего литературного, религиозного и квазинаучного дискурсов. Наука становится частью религиозно-литературного мифа. Но что еще больше удивляет, так это прямо-таки навязчивая повторяемость сюжета световой утопии в нынешнем веке (см. об этом, напр.: Семенова 1990: 363–373).

² Тема опустошенности, «простоты пространства» чрезвычайно важна в литературе С. Беккета (см. Беккет 1998, 2000). Им применяется своеобразная оптика: представляя мир в ограниченной рамке пустого пространства, она позволяет укрупнять мельчайшие детали, брать их в предельной отчетливости. Всюду

ни от чего не отказывался, а только додумал до конца то, что в так называемой авангардный период развития русской литературы и искусства казалось очевидным. Революция тотальна, поэтому приходящий на смену нынешнему человек будущего не может остаться прежним. Следовательно, все те, кто «делал революцию», должны сойти с исторической сцены. Природа возвращается к самой себе, минуя посредничество человека, его «вымышленной» Истории. Достичь рубежа — и только для того, чтобы умереть. Платоновское переживание катастрофы определено порядком отношений существующих между тремя посткатастрофическими *экзистенциалами*: *опустошением* (для мира), *истощением* (для тела), *тоской и скукой* (для души). Собственно, таков итог платоновской притчи о времени Революции в «Чевенгуре»³.

серый свет, рассеянный и пустой, скорее лунный, без солнца. Но хотелось бы тогда спросить: откуда взялся этот причудливый мир беккетовских персонажей? В центре этого мира перемещается главный герой, обычно это паралитик, ему ни до чего нет дела, он пытается сохранить минимум существования, — после катастрофы. Если катастрофа случилась, то кто эти выжившие, кто те, что собираются выживать, и тогда как, на каких условиях? Абсурд заключается как раз в том, что человек пытается выжить даже тогда, когда жизнь его потеряла всякий смысл. Жить вопреки абсурду жизни... Мир Беккета — посткатастрофический мир, он не населен, те же одинокие герои, что продолжают еще существовать в нем, несут на себе следы пережитой катастрофы, хотя и не выглядят опустошенными. Точнее, их не смущает собственное опустошение. Правда, мы хотели бы следить не только за тем, как персонаж движется (лежит ли он или ползет, стонет или отыскивает костыли?), но и чего он желает, как одет, где спит, о чем думает или мечтает, кто его друзья. Но именно этого, человеческого, мира и нет, именно он опустошен.

³ Психологически понятно это сложное чувство: дойти до самого края в признании невозможного — полной победы Революции. Это как чудо. И, с другой стороны, устремиться в обратном направлении к началам чувства, чтобы обнаружить отсутствие энергии, необходимой для того, чтобы вновь броситься вперед. Отсюда апатия, скука, тоска, отсюда все персонажи (как мертвые, как психоавтоматы, утратившие навсегда программу действий и теперь плутающие по глубокой необозримой русской степи. Откроем наугад любой из его романов: повсюду торжество и гибель тел. Подавляющее большинство персонажей Платонова тяготеет быть отдельными телами, со своим лишь им присущим кругом существования, своей смертью и жизнью, они недостаточны, уязвимы, постоянно стремятся примкнуть к другим телам, склонны к саморазрушению. И главное, что их характеризует, они — *мертвые*, они — тела траты, растраченные... Вот, например: «Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда. Ситец рубах точною передавал медленную освежающую работу сердца — оно билось вблизи, во тьме опустошенного тела каждого уснувшего. Вошев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись

Парад машин

Все эти машины, которые к нам приходят со страниц произведений Платонова (особенно периода 20–30-х годов) отличаются друг от друга по разным параметрам, месту, функциям и т. п. И вместе с тем кажется, что они все-таки принадлежат одному корню воображения, отражаются друг в друге и друг друга порождают.

Наше представление машин Платонова будет выстроено по степени развития в его литературных опытах того, что можно назвать *машинным чувством*. Я выделяю несколько этапных образов *машинного мимесиса*:

— *машинные гимны* — это поэзия машин, машины воют, скрипят, ударяют, рвут на части, наш восторг перед этим чудовищным жертвоприношением миллионов, через боль и пытки к новому телесному образу (зависть к машине и ужас перед массовой кастрацией);

— машинное чувство хорошо развивается в платоновском отцовском культе *паровоза*. Здесь возникает явление машинного тотемизма (Леви-Строс 2008); отдельные машины хорошо освоены, приспособлены к человеческой размерности и превращены в особые технической объекты, управлять которыми можно, лишь признав за ними магическую силу, которой только и остается, что служить;

— далее, машинное чувство подчиняет себя всплеску технического воображения. Платонов, изобретатель и поэт, мелиоратор и землемер, географ и геолог, энергетик и машинист, пишет ряд рассказов и повестей, в которых на первое место выдвигается *эфирная* или *световая* машина (изобретение ЭМР — *электромагнитного резонатора*). Именно на этом третьем уровне мы обнаруживаем величайшую из машин, миссия которой освободить человечество от вечной борьбы за выживание. Природное бытие человека должно быть преобразовано: физически расщеплено и распылено, здесь миметическое, животное-тотемное чувство машины попадает в ловушку саморазрушения. Такого рода машины добираются до самых глубоких слоев материи, они управляют ее рождением и энергией, безжалостно разрушая Землю и Человека: пришел черед мирового *опустошения*;

— этому уровню противостоит стремление пролетарских масс к «мягкому» постепенному изменению Природы посредством самостоятельного творчества: изобретаются всякого рода машины-поделки, то, что Делёз и Гваттари называли «машинами, которые не работа-

в старых рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаниями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека» (Платонов 2011а: 421).

ют» (Делёз и Гваттари 2007); эти странные зародыши будущих невиданных технических машин;

— эксперимент идет дальше (четвертый уровень машинного чувства): Платонов испытывает на своих героях мощь другой машины, которая не нуждается ни в каких вспомогательных технических устройствах и энергии. Машинное чувство поворачивается к собственным истокам: в человеческом мозге отыскивается опора для будущего господства над Природой. Сама мысль благодаря овладению ритмами эфирных (электромагнитных) полей Космоса становится величайшей из машин. Придет время, и даже самым слабым напряжением ума человек сможет останавливать движение светил, изменять траекторию комет, преобразовывать окружающую среду, условия труда и собственную природу.

1) *Динамо-гимны*. Сын машиниста паровоза, Платонов страстно любил машинные устройства и был изобретателем. Его проза и поэзия 20-х годов проникнуты магической атмосферой преклонения перед машинной цивилизацией будущего; человек и машина, сливаясь в единый образ, становятся эмблемой революционной эпохи. Послушаем:

Рабы машин

Шумит! Гудит! Весь день пылая,
В дыму и пыли мастерская.
Покорные рабы машин,
Не разгибая рук и спин,
Часами чахнут, пыль глотая.
И над станком склоняясь главою,
В крови, разлитой полосой,
Стоит без памяти, с лица
Похож на тень иль мертвеца,
Раб с исковерканной рукою.
И вдруг упал. Рука дрожала,
Свистеть машина перестала,
Сбеглись к нему со всех сторон,
Но не нуждался ими он,
В нем боль и жизнь угасала. (1918)

(Платонов 2004а: 348)

Динамо-машина

Песнь глубин немых металла,
Неподвижный долгий звон.
Из железа сила встала,
Дышит миллионом волн

Валерий Подорога

Из таинственных колодцев
Вверх, на горб машины, с пеньем
Вырываются потоки — там живое сердце бьется
Кровь горячая и красная бьет по жилам в наступленье!
Ветер дует из-под крыльев размахавшихся ремней,
Мой товарищ отпускает регулятор до конца.
Мы до ночи, мы до смерти — на машине, только с ней,
Мы не молимся, не любим, мы умрем, как и родились,
у железного лица.

Наши руки — регулятор электрического тока.
В нашем сердце его дышит непостижимая сила.
Без души мы и без бога и работаем без срока,
Электрическое пламя жизнь иную нам отлило.
Нету неба, тайны, смерти,
Там вверху — труба и дым.
Мы отцы и мы же дети —
Мы взрываем и творим.
Мы испуганные жили, и рожали, и любили,
Но мы сделали машину, оживили раз железо,
Душу божью умертвили,
Кожа старая с нас слезла.
И мы встали на работу к регулятору динамо,
Позабыли вечность, звезды — что не с нами и не мы.
Почерневшими руками
Смысл мы сделаем из тьмы. (1920)

(Платонов 2004а: 334)

Последний шаг

Из вскрикнувшей разрубленной вселенной
Рванула мир рабочая раздутая рука.
Пришли до срока, без гудка мы — радостная смена,
Все времена ушли в подземные, забытые века.

И ближе свети солнце, везде, везде — наш дом,
И ты мне друг и брат, она сестра — сестра.
Земля — железная машина. Течет по проводу к ней гром.
Смеемся мы, любовь не перескажем с утра и до утра.
Бессмертье заработали мы смертью и могилой,
От наших глаз не скроется небесное лицо,
Жизнь раскаляется до дна глубокой тайной силой,
Работа — наш отец, мы не расстанемся с отцом.
Мир будет тишиной. Пройдем его до края,
Нет никого нигде, товарищи машины сверлят небеса.
Летит звезда к земле, никто не умирает,
У человека навсегда задумались глаза.

Живут в нас все — погибшие от смерти,
Кто ночью падал в городах,
Замолкшие в могилах дети...
Мы сокрушающий, последний шаг. (1920–1921)
(Платонов 2004а: 397)

По этим стихам-гимнам видно, что Платонов относился к миру машин с двойственным, напряженно трагическим чувством. С одной стороны, машины делают бессильными, калечат, переделывают наши тела, отнимают жизнь, они — ближайшие вестники вселенской катастрофы, герои апокалиптических нарративов. Став «рабочей частью», человек низводится до положения автомата, не имеющего собственной воли и выбора, он — «раб» машины. Однако, с другой стороны, без машин не создать нового общества и нового человека. Правда, чтобы это стало возможным, требуется радикальное перерождение человечества. Поэт чувствует машинность современного мира предельно широко: сама поэма его — это машина, технически совершенная и прекрасная.

Каждая новая машина — это настоящая пролетарская поэма. Каждый новый великий труд над изменением природы ради человека — пролетарская, четкая, волнующая проза. Величайшая опасность для нашего искусства — это превращение труда-творчества в песни о труде. Электрификация — вот первый пролетарский роман, наша большая книга в железном переплете. Машины — наши стихи, и творчество машин — начало пролетарской поэзии, которая есть восстание человека на вселенную ради самого себя (Платонов 2004b: 167).⁴

Машина как принцип организации материи стиха, всей пролетарской поэмы. А это значит, что душа наша есть машина и вокруг нас только ураганный все истребляющий машинный ритм. Машина размещается внутри сознания пролетария в качестве образа нового мира.

2) *Паровоз-тотем*. Интерес пролеткультизовских теоретиков к машинизации человеческого бытия и быта похож на обновление старых форм тотемизма. В качестве тотемов выступают технические вещи цивилизации, разного рода машины, аппараты и приборы, устройства: *динамо-машины, насосы, авто, мотоциклы, паровозы,*

⁴ Ср. также: «И предлагаю устроить вечер неродившегося поэта грядущего, уже плетущего железные венцы своих песен. Имя ему — Машина. Машина жует мир и делает из печали радостную песню, как русский народ на Волге. Только звуки ее песни не дрожащие слова, а измененные миры, пляшущий космос. Предлагаю устроить вечер поэта-машины — нашего и моего товарища. Я буду докладчиком о нем» (Платонов 2004b: 178–179).

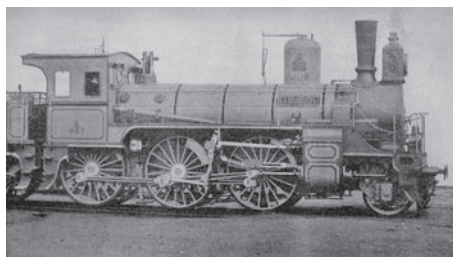
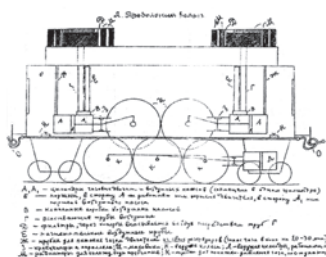
электромагнитные резонаторы, «эфирные туннели» и т. п.⁵ Тотем (машина) — это вещь, которая наделяется сверхъестественной силой, познать природу которой тем, кто вверяет ей свою судьбу, невозможно. Тотемная или магическая практика персонажей-мастеровых Платонова в полной мере соответствует идее трудовой экономии жизни — во всяком случае, ни в чем ее не ограничивает. Первая сцена контакта человека и машины: магическое одухотворение машины, тело, становясь телом машины, перестает быть человеческим, это уже машина-зверь, природная стихия машинизма и, как следствие, перевоплощение человеческой телесности. У Платонова мы найдем достаточно персонажей, которые чувствуют «машинные механизмы с точностью собственной плоти» (Платонов 2011b: 413–414): «Муж Фроси имел свойство чувствовать величину напряжения электрического тока, как личную страсть. Он одушевлял все, чего касались его руки или мысли, и поэтому приобретал истинное представление о течении сил в любом механическом устройстве и непосредственно ощущал страдальческое, терпеливое сопротивление машинного телесного металла» (Платонов 2011b: 413–414). Или: «Он любил машины потому, что чувствовал их живыми — мертвыми, которые стали живыми; это было воскрешение железа и всего мертвого к жизни вместе с человеком: образ будущего, полностью живого мира» (Платонов 2000: 240). Или вот: «Жовов к чугуну относился, как к собственной плоти, лучше чем к своему телу» (Платонов 2000: 106). Или вот еще:

...Захар Павлович не сводил глаз с паровоза и молча переживал в себе любовь к нему. В свое жилище он наносил болтов, старых вентилях, краников и прочих механических изделий. Он расставил их в ряд на столе и предавался загляденью на них, никогда не скучая от одиночества. Одиноким Захар Павлович и не был — машины были для него людьми и постоянно возбуждали в нем чувства, мысли и пожелания. Передний паровозный скат, называемый катушкой, заставил Захара Павловича озаботиться о бесконечности пространства. Он специально выходил ночью глядеть на звезды — просторен ли мир, хватит ли места колесам вечно жить и вращаться? (Платонов 2011a: 41).

⁵ Ср.: «Диане Эфесской, как и другим богиням Востока, поклонялись вовсе не за красоту. Богиней Диану делала сила: она была одушевленным генератором, динамо-машиной, воспроизводительницей рода — величайшей и самой таинственной из всех энергий. Единственное, что от нее требовалось, — плодovitость». Это отрывок из знаменитого опуса Генри Адамса «Динамо-машина и Святая Дева». Адамс сравнивает динамо-машину, выставленную на Всемирной выставке 1900 года рядом с Богородицей, рассуждая о магических культах первых промышленных революций (Адамс 1988: 459).

Наставник отлично знал, что машины живут и движутся по своему желанию, чем от ума и умения людей: люди здесь ни при чем. Наоборот, доброта природы, энергии и металла портят людей. Любой холуй может огонь в топке зажечь, но паровоз поедет сам, а холуй только груз. И если дальше техника так податливо пойдет, то люди от своих сомнительных успехов вырождаются в ржавчину, — тогда их останется передавить работоспособными паровозами и дать машине волю на свете (Платонов 2011a: 42).

Примеры можно умножить. На этой сцене первого и магического контакта с машиной свершается слияние человеческого тела с телом машины. Это не замещение, а, скорее, *во-площение* человеческого в машинной форме: машина приручается становится вровень с человеком и выше его, она и есть подлинный человек будущего. «Революция как паровоз. И революционеры должны быть машинистами» (Платонов и Пильняк 1928: 258). Не таков ли машинист Мальцев — паровоз-человек из новеллы «В прекрасном и яростном мире» или мастер Пухов из «Сокровенного человека»? Так, машина-паровоз становится «теплым зверем». «Паровоз стоял великодушный, громадный, теплый на гармонических перевалах своего величественного высокого тела. Наставник сосредоточился, чувствуя в себе гудящий безотчетный восторг» (Платонов 2011a: 43). Благодаря вступлению машины разом разрешаются все проблемы человеческого существования: она становится новой Природой. Машина-зверь, зверь-машина. Другими словами, человек, преобразуя свое машинное чувство в мимесис звериного (животно-природного), тем самым одомашнивает машину. Не становится машиной, а, скорее, делает машину одним из природных явлений.

В одном случае человеческое оказывается частью от *машины-как-целого*, желание не столько даже стать машиной — это недостижимое и невозможное счастье, — а хотя бы частично принадлежать ее силе и красоте, как можно принадлежать Высшему существу: живая органи-

ческая «часть», страстно желающая стать механическим целым. Машины заступают в атопии Платонова не на место человека, а на место Природы; машина-паровоз как особый вид биогбридизации технического устройства и человеческой плоти. Поэтому нет ничего загадочного в медведе-молотобойце из «Котлована», активно участвующего в коллективизации (Платонов 2011а). Так формируется животно-растительный ряд машинных метафор (а это и есть доместикация) — «приручение Машины». Причиной литературной машинизации мира является желание стать Другим: достичь некоего аффективного состояния, которое проецируется на мир посредством различных технических объектов, форм, конструкций; они индивидуализируются, выводят за общепринятые нормы технического прогресса (т. е. выдергиваются из социального контекста), становятся фантастическими машинами, в которых свернута реальность будущего. Хотя машины Платонова принадлежат разным классам и видам авангардного машинизма, все они представляют собой аффективные (миметические) устройства.⁶

3) *Эфирная, электромагнитная или световая машина*. Любимая машина Платонова — это машина световая, электрическая, овладевающая дешевой энергией невидимого эфира. Эту машину изобретают Дванов из «Чевенгура», Вогулов из «Сатаны мысли», герой «Маркуна», главный герой «Невозможного», Крейцкопф («Лунные

⁶ В дискуссии о тотемизме в примитивных обществах, которая достаточно долго велась между антропологами, Леви-Строс занимал позицию социального объективизма (структурный метод). Так, он утверждал, что аффективность (то, что в нашем случае мы называем «машинным чувством») не может быть причиной верования в тотем, это только поверхностный феномен, сопутствующий; и ничего нельзя объяснить в отношениях между людьми и животными. «Поскольку аффективность — это наименее ясная сторона человека, к ней постоянно пытались прибегнуть как к объяснению, забывая при этом, что нельзя ничего объяснить явлением, которое само не поддается объяснению. Данность не является первичной, оттого что она непостижима; объяснение, если оно существует, надо искать в другом плане. В противном случае довольствуются наклеиванием на проблему другой этикетки, веря, что разрешили ее» (Леви-Строс 2008: 98). И далее он вполне справедливо замечает: «Если бы институты и обычаи обретали свою жизнеспособность благодаря постоянному освежению и усилению индивидуальных чувств, сходных с теми, что составляли первоначало, то они должны были бы заключать в себе вечно брызжащее аффективное богатство, которое и было бы их позитивным содержанием. Однако известно, что дело обстоит отнюдь не так и что устойчивость, которую они выказывают, проистекает чаще всего из конвенциональной установки» (Леви-Строс 2008: 99). Однако литературный машинизм Платонова аффективен. Более того, именно это переходящее переживание — а его можно отнести к «партиципации» (Л. Леви-Брюля) или «графическому инстинкту» (Э. Дюркгейма) — останется единственной формой связи с реальным миром и, по сути дела, завершено четким картинным отображением.

изыскания»), Попов с Кирпичниковым («Эфирный тракт») и Вермо («Ювенильное море»), Иван Копчиков («Рассказ о многих интересных вещах»), персонаж из «Потомков Солнца», Елпидифор Баклажанов из «Приключения Баклажанова». Как не любить эту машину, если, по замыслу ее творцов, она должна стать реальным воплощением неслыханных возможностей человеческого разума? Ее удивительная сила откроется в использовании самых могущественных сил Космоса, способных дать новое измерение жизни всему существующему, — *электромагнитные силы*, — «живая» энергия мертвого вещества природы. Все эти машины, которыми захвачено воображение Платонова, бесспорно, соотносятся с современными ему научными открытиями и изобретениями прежде всего в области электротехники. И здесь встает фигура гениального ученого Николы Теслы, знакомство Платонова с трудами которого мне кажется весьма вероятным. Практически, все идеи, высказываемые героями Платонова, словно художественно обработанные гипотезы и теории Теслы. Магическая философия техники, характерная для Теслы, перекликается с мыслями и проектами Платонова даже в деталях (различные виды электрических машин, устройств и приборов).

Приведем более убедительные свидетельства ближайшего «свето-электрического» родства между идеями Теслы и машинными утопиями Платонова.

Николай Тесла

Каждое живое существо является механизмом, вовлеченным в круговорот Вселенной. Хотя на первый взгляд кажется, что на него воздействует лишь непосредственное окружение, в действительности сфера внешнего влияния простирается до бесконечности. Нет ни одного созвездия или туманности, ни одного светила или планеты во всех глубинах беспредельного пространства, ни одного блуждающего странника звездного неба, который не осуществлял бы некоторого контроля над его судьбой — не в астрологическом, неопределенном и нереальном, смысле, а в строгом и точном значении физической науки.

[...]

Даже материя, которую называют неорганической и считают мертвой, отвечает на раздражения и доказывает несомненное присутствие в ней живого начала. Таким образом, все, что существует, органическое или неорганическое, движущееся или неподвижное, восприимчиво к внешним раздражениям. Нет разделяющей пропасти, нет разрыва в непрерывном процессе, нет никакого особенного жизненного принципа. Всей материей управляют одни законы, вся Вселенная — живая (Тесла 2008: 171–172).

Валерий Подорога

Проект гигантской электрической станции будущего, в основе работы которой лежит использование тепловой энергии Земли. Вода, циркулируя в трубе, доходит до ее дна и поднимается вверх в парообразном состоянии, пар приводит в движение турбину, а затем он опять превращается в жидкость, и этот круговой процесс повторяется все время. Внутренняя тепловая энергия Земли огромна и практически неисчерпаема в сравнении с вероятными человеческими запросами; масса горячих слоев Земли измеряется секстиллионами тонн (Тесла 2008: 368).

...энергия забирается из морских глубин. Теплота поверхностного слоя, вступающего во взаимодействие с другим, холодным, слоем, используется для получения энергии, приводя таким образом в действие крупные электрические станции. В этой чрезвычайно важной статье представлен анализ перспектив практического осуществления замысла, а также теоретические основы функционирования [установки] (Тесла 2008: 369).

Андрей Платонов

Вся вселенная есть, точно говоря, резервуар, аккумулятор электрической энергии, т. к. вселенная — прежде всего пространство, а пространство — прежде всего электромагнитное переменное поле. Рассматривая же историю как практическое разрешение единого энергетического вопроса, конечное решение которого есть полное, стопроцентное использование вселенной человеком без всякой затраты сил человека, мы можем сказать: использование света для промышленности есть самое совершенное решение энергетического вопроса для нашего времени. Вспомним, что база мира растений есть свет. Сделаем же свет также и базой мира человека. И вся техника для этого должна быть сведена к светотехнике, вся физика (может быть, химия) к электрике.

Светотехника должна сконструировать тот механизм, который превращает свет солнца в обыкновенный рабочий электрический ток, годный для наших электромоторов. Этот механизм уже наполовину сконструирован. Называется он *фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор*. Его назначение — свет, этот небесный ток, переделывать в земной, человеческий ток. В случае удачного разрешения этой технической задачи (мы не входим тут в детали) свет, а с ним вся вселенная, станет «пролетарием» человечества на многие неисчерпаемые века, и человечество не истощит эту энергию никакими машинами, сопротивлениями и сооружениями. Даже энергия расколотого Резерфордова атома ничто в сравнении с энергией светового океана (Платонов 2004b: 219–220).

Покорит мир тот, кто познает механику тончайших электромагнитных возмущений, обуславливающих основные состояния человеческой психики, тот, кто эти колебания, возмущения научится делать искусственно, произвольно, по своей властной воле, во имя благородных интеллектуальных целей.

Эти электромагнитные колебания по форме своей близки к свету, но по длине волны, вероятно, еще меньше, а по периодам — кратче...

Способ получения электромагнитных колебаний психического порядка возможен только путем регулирования — многократно сложного преломления — света солнца, рассеянного либо уже спектрированного.

Свет солнца есть сырье для (таких э.м. колебаний) получения продукта — «психического тока».

Да здравствует ПСИХОТОК!

Да здравствует лаборатория для его выработки! (Платонов 2000: 258).

...электромагнитный (точнее, метод ритма), основанный на разрушении материи через сообщение ей извне электромагнитных волн с точно рассчитанной длиной волн и частотой периодов; такие волны, совершенно совпадая с внутриатомным ритмом (строго определенным, «индивидуальным» для каждого элемента, для каждого сложного состава), разрушают материю; при несовпадении же таких — внутреннего и внешнего — ритмов материя электризуется, создается. Дело в том, что каждый элемент и каждое соединение их имеет свое, строго определенное, внутриатомное и внутримолекулярное колебание. Здесь и лежит загадка разрушения и создания материи (Платонов 2004b: 213).

...мощным агрегатом прожигать скважины в глубину земного шара, дабы вскрыть кристаллическую гробницу материнского моря, либо вообще достигнуть богатых запасов воды — взять оттуда количество влаги, достаточное для образования постоянного озера или степного моря. Параллельно бурить немедленно вольтовым огнем неглубокие водонасосные скважины на всех пастбищах и зимних гуртах совхоза (малое водоснабжение).

Получить энергию в степи и во всем мире из любой точки освещенной поверхности (Платонов 2011с: 426).

Великая цель — завладеть энергией «мертвой» природы, самой дешевой и неисчерпаемой. В недрах материи таится величайшая и могущественная энергия, открытие ее и правильное использование позволит упразднить границы между обособленными временами мирового вещества, между небом и землей, женщиной и мужчиной,

живыми и мертвыми, отцом и сыном.⁷ Отказ от «проклятия» труда как бесполезной траты живых человеческих сил, как формы взаимной эксплуатации трудящихся. Эта машина высоты/глубины, она уходит в Космос и проникает в последнюю глубь Земли. Не глубина как пустота, а глубина как путь к дешевой энергии эфира. Эта машина жизни работает вертикально: это лифтовой туннель, с помощью которого извлекаются на поверхность Земли продукты деятельности чистых сил материи. Платонов в описании своих странных и удивительных машин часто использует биологические метафоры, которые, как мне представляется, подталкивают нас к тому, чтобы видеть в этих машинах не жесткие механизмы с ограниченной сферой действия, а, скорее, организмические пульсации. Это тип машин-фантазм, машин сневидных, машин сверхпродуктивных, которые «не знают смерти». Однако в своей обратной проекции эфирная машина как машина жизни совпадает по функциям с машинами смерти. Переведенная, например, в план горизонтали эфирная машина ничем не отличается от машин террористических, машин насилия и истощения. Один объект приложения сил сменяется другим, человеческое тело — телом Земли. Основной же принцип действия остается неизменным: изъять энергию у пассивного природного тела и потреблять ее во все больших количествах, не заботясь о космическом единстве человека и Земли.

4) *Машина церебральная.* Антиутопические повести Платонова рассматривают технику (весь парк машин и автоматов) как необходимое условие революционных изменений, которые, захватывая Природу, переходят и на человека, радикально его изменяя.⁸ С точки

⁷ Отношение человека к машине Платонов переписывает в терминах изначального родства. Природа есть Мать, Машина есть Отец. Те, кто устанавливают свое новое родство от машины, — это те, кто «существуют» без Отца, но в его страстном ожидании. Машина — тот высший Отец-Бог, который возвращает сыновьям их умерших, погибших Отцов. Скитальчество и странничество, бесприютность, нет «родного места и тепла» — все это итоги не поиска Матери, материнского и женского, а возвращения к Отцу: «Никто из прочих не видел своего отца, а мать помнил лишь смутной тоской тела по утраченному покою, — тоской, которая в зрелом возрасте обратилась в опустошающую грусть. С матери после своего рождения ребенок ничего не требует — он ее любит, и даже сироты-прочие никогда не обижались на матерей. Покинутые ими сразу и без возвращения. Но подрастая, ребенок ожидает отца, он уже до конца насыщается природными силами и чувствами матери — все равно, будь он покинут сразу после выхода из ее утробы, ребенок обращается любопытным лицом к миру, он хочет променять природу на людей, и его первым другом-товарищем, после неотвязной теплоты матери, после стеснения жизни ласковыми руками, — является отец» (Платонов 2011б: 284). И вот так, рванувшийся из повальной «безотцовщины», может проявить себя новый человек, он и есть пролетариат.

⁸ Из платоновских заготовок: «Он любил машины потому, что чувствовал их живыми — мертвыми, которые стали живыми; это было воскрешение железа

зрения новой космической онтологии — обновленной теории *макро-и-микрокосма* — человек представляет собой всего лишь машину, пусть разумную и себя сознающую, но машину. Великий изобретатель пишет: «...продолжаю доказывать, что являюсь автоматом, наделенным способностью совершать действия, который просто отвечает на внешние раздражители, воздействующие на мои органы чувств, и мыслит, ведет себя и двигается соответственно» (Тесла 2008: 122). Гипотеза о «живой Вселенной», находящейся в непрерывной, колебательной волновой (электромагнитной) среде предполагает наличие единого универсального сознания, которое не может быть индивидуализировано, т. е. присвоено. Человек — это психоавтомат, чьи отношения с миром выстраиваются благодаря его *реактивности*, т. е. способности успешно отвечать на внешние воздействия. Мало того, человек — это лишь мозг, но мозг — это мысль, а мысль, если она верна, резонирует с бесконечным миром других резонаций, так мысль есть ритм вселенной. Например: «Всю свою юность Сарториус провел в изучении физики и механики; он трудился над расчетом бесконечности как тела, пытаясь найти экономический принцип ее действия. Он хотел открыть в самом течении человеческого сознания мысль, работающую в резонанс природе и отражающую поэтому всю ее истину — хотя бы в силу живой случайности, и эту мысль он надеялся закрепить навеки расчетной формулой» (Платонов 2011b: 49). И в другом месте: «Мозг Матиссена был таинственной машиной, которая пучинам космоса давала новый монтаж, а аппарат на столе приводил этот мозг в действие. Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны повлиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц,- тогда мировое вещество сотрясает буря» (Платонов 2011c: 64). Платонов ничего «не выдумывает», а лишь пытается соответствовать в своих машинных фантазиях революционному ускорению технического прогресса. И не он один.

Любопытную теорию машинизма, обновляющую мировосприятие авангарда, оставил К. Малевич. На острие машинного прогресса он размещает человеческий мозг: «...не я ли новый земной череп, в мозгу которого творится новый расцвет, и не мой ли мозг образует собой плавильную фабрику, из которой бежит новый железный преобразенный мир и, как с улья универсальности, летят жизни, которые мы называем изобретением?» (Малевич 1995: 158) Мозг в другой терминологической перспективе — это интуиция. Вот как ее определяет Малевич: «Интуиция — зерно бесконечности, в ней рассыпает себя и все видимое на нашем земном шаре. Формы произошли от интуитивной энергии, преодолевающей бесконечное, отчего и про-

и всего мертвого к жизни вместе с человеком: образ будущего, полностью живого мира» (Платонов 2000: 240).

исходят разновидности форм как орудий передвижения» (Малевич 1995: 172). Интуиция — это радикальное обновление мира в действии, это сама мысль, мир перед ней безымянен и подчинен лишь скорости орудий преодоления. И здесь, как у Платонова, машинная активность сводится к *распылению* материи. Великий авангардный порыв заключается в наращивании мощности орудий преодоления Природы (расщепления на частицы, на «зерна бесконечной мысли»). Только мысль одна соразмерна бесконечности задачи, вечно обновляющийся технический мир — лишь парк орудий преодоления, каждое из них раскрывает динамическую мощь человеческого разума в космической бесконечности новых миров.

Машины приближают «конец времени», это машины катастрофические, «машины смерти», деспотически извлекающие энергию отовсюду (в том числе и из человеческих тел) и вновь ее рассеивающие.

5) *Машины-подделки*. Многие произведения Платонова являют собой экспериментальные полигоны для идеи бессмертия, от «вечных двигателей» до разных приспособлений и штуквин, чье практическое назначение сразу трудно отгадать. Отсюда множество самых необычных машинных устройств, которые можно назвать *машинами-подделками*.

Его ничто особо не интересовало — ни люди, ни природа, кроме всяких изделий. Поэтому к людям и полям он относился с равнодушной нежностью, не посягая на их интересы. В зимние вечера он иногда делал ненужные вещи: башни из проволоки, корабли из куска кровельного железа, клеил бумажные дирижабли и прочее — исключительно для собственного удовольствия. Часто он даже задерживал чей-нибудь случайный заказ, — например, давали ему на кадку новые обручи подогнать, а он занимался устройством деревянных часов, думая, что они должны ходить без завода — от вращения земли (Платонов 2011а: 11).

За лето Захар Павлович переделал из дерева все изделия, какие знал. Землянка и ее усадебное прилежащее место были уставлены предметами технического искусства Захара Павловича — полный комплект сельскохозяйственного инвентаря, машин, инструментов, предприятий и житейских приспособлений — все целиком из дерева. Странно, что ни одна вещь, повторявшей природу, не было: например, лошади, колеса или еще чего (Платонов 2011а: 13–14).

Теперь Епишка изобрел свет. Устроил такие магниты, где дневной свет волновал магнитное поле и возбуждался электрический ток. Этим током Епишка гнал самодельный корабль по родной реке. Солнечный свет и лунный повез в первый раз чудака-человека по воде.

С тех пор никто ни в ком не стал нуждаться: Епишка показал всем, как делать такие машинки, и все стали богатыми.

[...]

Один араратский житель сделал подземную лодку, и сила Епишкиной машинки вогнала ее в недра земли, и араратец там пропал, поселился (Платонов 2011d: 314).

Дванов выдумал изобретение обращать солнечный свет в электричество. Для этого Гопнер вынул из рам все зеркала в Чевенгуре, а также собрал всякое мало-мальски толстое стекло. Из этого материала Дванов и Гопнер поделали сложные призмы и рефлекторы, чтобы свет солнца, проходя через них, изменился и на заднем конце прибора стал электрическим током. Прибор уже был готов два дня назад, но электричество из него не произошло. Прочие приходили осматривать световую машину Дванова и, хотя она не могла работать, все-таки решили, как нашли нужным: считать машину правильной и необходимой, раз ее выдумали и заготовили свои телесным трудом два товарища (Платонов 2011a: 380).

Между домов идти было узко, а теперь здесь стало совсем непроходимо — сюда прочие вынесли для доделки свои последние изделия: деревянные колеса по две сажени поперек, железные пуговицы, глиняные памятники, похоже изображавшие любимых товарищей, в том числе и Дванова, самовращающуюся машину, сделанную из сломанных будильников, печь-самогрейку, куда пошла начинка всех одеял и подушек Чевенгура, но в которой мог временно греться лишь один человек, наиболее озябший. И еще были предметы, пользы коих Сербинов вовсе не мог представить (Платонов 2011a: 380).

Вермо в тот час играл, как он думал, сонату о будущем мире: в виду выдуманных им звуков ходили по благородной земле гиганты молока и масла — живые существа, но с некоторыми металлическими частями тела, дабы лучше уберечь их от болезней и обеспечить постоянство продуктивности; например, пасть была стальная, кишечник оперирован почти начисто (против заболеваний от разложения кала), а молочные железы должны иметь электромагнитное усовершенствование (Платонов 2011c: 393).

Чепурный тоже сначала хотел чего-нибудь сварить, но обнаружил, что недавно в Чевенгуре спички вышли, и не знал, как быть. Но Гопнер знал, как быть: нужно пустить без воды деревянный насос, который стоял над мелким колодцем в одном унесенном саду; насос в былое время качал воду для увлажнения почвы под яблонями, и его вращала ветряная мельница; это силовое устройство Гопнер

однажды заметил, а теперь назначил водяному насосу добыть огонь посредством трения поршня всухую. Гопнер велел Чепурному обложить деревянный цилиндр насоса соломой и пустить ветряк, а самому ждать, пока цилиндр затлеет и солома от него вспыхнет (Платонов 2011а: 338).

Маркун нагнулся над чертежом. Его турбина имела шесть систем спиралей, последовательно сцепленных и последовательно возрастающих по мощности. Следовательно, ускорение будет шестикратным. Вода же будет так расходоваться, что будто работает одна последняя, шестая спираль; это потому, что другие пять спиралей будут работать одной и той же водой.

«Всякая теория — ложь, если ее не оправдает опыт, — подумал Маркун. — Мир бесконечен, и энергия его поэтому тоже бесконечна. Моя турбина и оправдала этот закон».

И огнем прошла неожиданная мысль, что если бы найти металл с бесконечной способностью прочного сопротивления, бесконечной крепости. Но такой металл есть: он просто одна из видов мировой энергии, вылитая в форму противодействия. Это вытекает из общего закона бесконечных возможностей сил и их форм.

«Но тогда моя машина — пасть, в которой может исчезнуть вся вселенная в мгновение, принять в ней новый образ, который еще и еще раз я пропущу через спирали мотора.

Я построю турбину с квадратным, кубическим возрастанием мощности, я спущу в жерло моей машины южный теплый океан и перекачаю его на полюсы. Пусть все цветет, во всем дрожит радость бесконечности, упоение своим всемогуществом» (Платонов 2004а: 143).

Вероятно, Ж. Бодрийяр, давая таким странным предметам имя «штуковина», указывает на оппозицию машины/штуковины.⁹ «Машина и “штуковина” взаимно исключают друг друга. Дело не в том,

⁹ Ср. с замечанием К. Леви-Строса: «В таких уподоблениях нет ничего удивительного. Мы делаем то же самое, хотя и более сдержанно, когда описываем предмет, который нам незнаком, или применение которого нам не слишком хорошо понятно, или работа которого нас поражает. Мы говорим *штуковина* [*truc*], *штука* [*machin*]. А за штукой [*machin*] стоит машина, а еще дальше — идея силы или, мощи. Что же до слова *true*, то этимологи выводят его из средневекового термина, означавшего удачный ход в азартной игре или удачный бросок жонглера...» (Леви-Строс 2000: 430). Есть и в русском разговорном слово, обозначавшее когда-то отрез (обычной материи), его называли «штукой», если он был с десяток метров («отрез» стал именем собственным для материала на платье или пальто, поскольку в 50–60-е годы советские люди одевались исключительно в маленьких ателье, никаких магазинов готового платья в Москве еще не было).

что машина — совершенная форма, “штуковина” — форма вырожденная, распавшаяся; это просто разнопорядковые величины. Машина — это реальный операторный предмет, “штуковина” же — воображаемый. Машиной обозначается и структурируется тот или иной комплекс практической деятельности, “штуковиной” же — лишь чисто формальная операция, зато операция над миром в целом. Штуковина бессильна в плане реальности, зато всеильна в плане воображаемого» (Бодрийяр 1995: 97).¹⁰ Штуковиной можно назвать все, что не имеет имени. Другими словами, вещь, чьего предназначения я не знаю (но полагаю, что она его имеет), и есть штуковина. Получается, что если бы я вдруг вспомнил *имя*, и те речевые обороты, и тот словарь терминов, в которых вещь может быть узнана, то она больше не была бы штуковиной, а стала произведением искусства или техническим устройством. Штуковина как сбой памяти и речи. Это первый шаг, есть и второй: штуковина — это еще игра технической фантазии; не эта вот штуковина, которая «не работает», а другая — высшая форма будущего технического совершенства (НЛО, например). Такие штуковины как особые технические конструкции будущего, чье назначение объяснить мы не можем. В таком случае штуковина отрицает принцип реальности, она его превосходит. Есть еще и то, что можно назвать либидинозным остатком в объяснении феномена штуковины, когда она вдруг оказывается частью фаллического измерения мира объектов. Парадоксально, что все эти примитивные приспособления, эти машины Чевенгура, став вещами, стали и штуковинами, чье назначение вступает в конфликт с их технической бесполезностью («они не работают») В отечественном авангарде нет «штуковин», там все ясно: вещь сведена к идеальной причине, некая модель (образец, лекало): *модулер* (Ле Корбузье), *архитектон* (К. Малевич). Там, действительно, стремятся создать Мировую машину, с помощью которой можно было бы перестроить не только социум, человека, но и Космос.

Библиография

- Адамс, Генри (1988). *Воспитание Генри Адамса*. М.: Прогресс.
Беккет, Сэмюэл (1998). *В ожидании Годо*. М.: ГИТИС.
Беккет, Сэмюэл (2000). *Моллой. Мэлон умирает*. СПб.: Амфора.
Беньямин, Вальтер (2002). *Происхождение немецкой барочной драмы*. М.: Аграф.

¹⁰ Можно пойти дальше. Ведь ясно, что все машины, «которые не работают», изобретенные в основном сюрреалистами, являются именно такими «штуковинами». Машины Ф. Леже, М. Дюшана, Ф. Кафки, У. Берроуза или Э. Уорхола, но это также и все фантастические машины русского авангарда.

Валерий Подорога

- Делёз, Жиль, и Феликс Гваттари (2007). *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Бодрийяр, Жан (1995). *Система вещей*. М.: Рудомино.
- Леви-Строс, Клод (1994). *Первобытное мышление*. М.: Республика.
- Леви-Строс, Клод (2000). «Предисловие к трудам Марселя Мосса». В кн.: Мосс, Марсель, *Коллективные представления и многообразие цивилизаций. Социальные функции священного*. СПб.: Евразия.
- Леви-Строс, Клод (2008). *Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль*. М.: Академический проект, 2008.
- Малевич, Казимир (1995). *Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929*, в Малевич, Казимир, *Собрание сочинений*, в 5 тт., т. 1. М.: Гилея.
- Платонов, Андрей и Борис Пильняк (1928). «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)». *Новый мир* 12: 249–258.
- Платонов, Андрей (2000). *Записные книжки. Материалы к биографии*. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов, Андрей (2004а). *Собрание сочинений*, в 1– тт., т. 1: 1918–1927, кн. 1: Рассказы. Стихотворения. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов, Андрей (2004б). *Собрание сочинений*, в 1– тт., т. 1: 1918–1927, кн. 2: Статьи. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов, Андрей (2011а). *Чевенгур. Котлован*. М.: Время (Собрание).
- Платонов, Андрей (2011б). *Счастливая Москва. Джан. Очерки и рассказы 1930-х годов*. М.: Время (Собрание).
- Платонов, Андрей (2011с). *Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов*. М.: Время (Собрание).
- Платонов, Андрей (2011д). *Усомнившийся Макар. Стихотворения. Рассказы 20-х годов. Ранние рассказы. Написанное в соавторстве*. М.: Время (Собрание).
- Платонов, Андрей (2011е). *Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика*. Сост., коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011.
- Семенова, Светлана (1990). *Николай Федоров. Творчество жизни*. М.: Советский писатель.
- Тесла, Никола (2008). *Статьи*. Самара: Агни.